

Аргумент Паниковского

АЛЕКСЕЙ АППОЛОНОВ

КАК ИЗВЕСТНО из «Золотого тельца» Ильфа и Петрова, «аргумент Паниковского» заключается в том, чтобы, не отвечая на вопросы по существу, с величайшим апломбом вбрасывать не связанные между собой и не имеющие отношения к основной теме (темам) слова и фразы в надежде сбить оппонента (оппонентов) с толку. Например, так:

Паниковский уклонился от прямого ответа. Он взял из рук Балаганова резную курортную тросточку с рогаткой вместо набалдашника и, начертив прямую линию на песке, сказал: «Смотри-те. Во-первых, ждать до вечера. Во-вторых...» И Паниковский от правого конца прямой повел вверх волнистый перпендикуляр. «Во-вторых, он может сегодня вечером просто не выйти на улицу. А если даже выйдет, то...» Тут Паниковский соединил обе линии третьей, так что на песке появилось нечто похожее на треугольник, и закончил: «Кто его знает? Может быть, он будет прогуливаться в большой компании. Как вам это покажется?» Балаганов с уважением посмотрел на треугольник. Доводы Паниковского показались ему не особенно убедительными, но в треугольнике чувствовалась такая правдивая безнадежность, что Балаганов поколебался. Заметив это, Паниковский не стал мешкать. «Поезжайте в Киев! — сказал он неожиданно. — И тогда вы поймете, что я прав. Обязательно поезжайте в Киев!» «Какой там Киев! — пробормотал Шура. — Почему?»

Вот точно так же и авторы «Реабилитации вещи» (или один из них, А. П. Огурцов, называющий себя, впрочем, «мы») завершают свое послание «правдиво-безнадежной» фразой, которая, как им кажется, должна расставить все точки над «е». «То, что средневековые мыслители четко не различали единичное от всеобщего (и причина этого в их принятии христианского догмата о Боге как творце вещей и тварных существ), является общим местом, о котором говорить-то нашему рецензенту стыдно».

«Какой там Киев! Почему?» Какая связь между догматом о творении и гипотетической неспособностью средневековых людей отличать всеобщее от единичного?

Отвлечемся на секунду от «общего места», «которое стыдно не знать» (это тот самый «треугольник Паниковского», который должен создавать ощущение «правдивой безнадежности»). Возьмем нынешнего папу римского. Я искренне надеюсь, что он, как полагается римскому понтифику, верит в «христианский догмат о Боге как творце вещей и тварных существ». Неужели он не способен отличать всеобщее от единичного? Неужели вера в божественное творение помешала ему изучить основы формальной логики и философии? Или же, если он все-таки может отличать всеобщее от единичного, мы должны отказать ему в том, что он верит «в Бога, Отца Всемогущего, Творца неба и земли»? Какие, однако, скверные перспективы вырисовываются для папы римского или, скажем, для учеников семинарий, как католических, так и православных!

Уже один этот нелепый (и неизбежный притом) вывод из «общего места» указывает на абсурдность аргументации авторов «Реабилитации вещи». Но ведь не только в этом дело. Средневековые люди прекрасно отличали всеобщее от единичного. «Всеобщность» по-латыни *universalitas* (так же, как «вселенная» — *universum*, «вообще» — *universe* и т. д.), а «всеобщее» — *universale*. И вот возьмем популярный в XIII веке учебник по логике, приписываемый Фоме Аквинскому:

Надлежит знать, что из того, что постигается разумом, нечто является всеобщим (*universalia*), то есть тем, что по природе обнаруживается во многом (*in pluribus*), а нечто — единичным, то есть тем, что по природе обнаруживается только в одном (*in uno*). И всеобщее можно рассматривать двояко: во-первых, отдельно от единичного, то есть сообразно тому бытию, которым оно объективно обладает в разуме (*secundum esse quod habet in intellectu objective*), а во-вторых, сообразно тому бытию, которым оно обладает в единичном»¹.

Если этот пример не убеждает, то вот уже совсем конкретно о принципиальном различии между всеобщим и единичным пишет Роджер Бэкон (ок. 1214 — ок. 1295): «Всеобщее (*universale*) не может выразить единичное (*singulare*), ведь как всеобщее познается через всеобщее, так и единичное познается через единичное, ибо начала бытия и начала познания одни и те же... Но началами единичного является единичное, а началами всеобщего — всеобщее»².

Пойдем дальше, вернее, в обратном направлении. В абзаце,

1. Summa totius Logicae Aristotelis. Tract. 6. Cap. 7.

2. Opera hactenus inedita Rogeri Baconi. Fasc. II. P. 104–105.

предшествующем процитированному, авторы «Реабилитации вещи» пишут:

Рецензент развязно рассуждает о том, что в мифологическом мышлении неотчетливо разделяются единичное и множественное, ссылаясь на трактовку Боэцием *personae* на с. 78 «Утешения философии» («на указанной странице, естественно (?!), ничего подобного про *personae* не написано, да и не могло быть написано», с. 245). В качестве доказательства приводится определение *personae* со с. 172! Между тем в «Комментарии к Порфирию» (с. 77–78) Боэций прямо говорит о «субстанции человека как о разумности», о том, что «наиболее собственными отличиями называются такие, которые показывают субстанцию каждой вещи». И этот подход, сформулированный более общо, он повторяет в определении личности как «индивидуальной субстанции разумной природы» в другой работе — «Против Евтихия и Нестория», с. 172³. Это либо придирка рецензента, либо бессвязное прочтение текстов известного мыслителя Средневековья.

Во-первых, пока меня не обвинили в неграмотности, хочу отметить, что латинское слово *personae* («лица») пишется с одним *n*, и в моей рецензии это слово было написано правильно. Почему авторы везде пишут его с двумя *n*, я не знаю, и меня это не волнует, но то, что они, цитируя мой текст, где употребляется термин *personae*, вносят и в него столь странную корректуру, кажется мне возмутительным, и я просто не могу не отметить сей факт.

Во-вторых, на что, собственно, возражают авторы? А вот на что. Я писал в своей рецензии: «Так, [в „Реабилитации вещи“] сказано: „У Боэция... все единичные вещи назывались *personae*“ (395). При этом авторы дают ссылку на 78-ю страницу известного издания „Утешение философии“ и другие трактаты“. На указанной странице, естественно, ничего подобного про *personae* не написано, да и не могло быть написано, поскольку на 172-й странице того же издания сказано, что *personae*, то есть лица, суть „индивидуальные субстанции разумной природы“».

То есть я утверждал, что (1) в тексте Боэция на 78-й странице ничего не сказано о том, что «все единичные вещи называются *personae*»; и (2) там *в принципе* не может быть сказано ничего подобного, потому что *personae* — это не просто «единичные вещи», а «индивидуальные субстанции разумной природы». Положение (2) вполне очевидно, поскольку «этот вот» стол (или стул) является единичной вещью, но не «индивидуальной субстанцией разумной природы».

3. Один из авторов книги посвятил этому понятию специальную статью: Неретина С. С. Субсистенция и персона. А priori или per priora? // Многообразие априори. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 63–87.

Авторы же, применяя «аргумент Паниковского», отвечают мне на это, что в «„Комментарии к Порфирию“ (на с. 77–78) Боэций прямо говорит о „субстанции человека как о разумности“, о том, что „наиболее собственными отличиями называются такие, которые показывают субстанцию каждой вещи“».

«Какой там Киев! Почему?» Как, интересно, сказанное может опровергнуть то, что на 78-й странице нет тех слов, которые приписывают Боэцию авторы: «Все единичные вещи назывались *personae*»? Равно как и то, что эти слова заключают в себе противоречие, если исходить из определения термина *persona*, представленного на с. 172?

Понятно, что никак. Это просто набор слов (пусть даже и правильных), к теме дискуссии отношения не имеющий. Но не могу не отметить избирательность, которую авторы проявляют при цитировании. Все-таки выкинуть половину (и самую важную) аргументации оппонента и начать отважно спорить с остатками — это та еще «операция».

И вот как раз про «операции». Еще одним абзацем выше авторы «Реабилитации вещи» пишут: «Рецензент без обиняков приписывает нам „операции“ над ранним текстом Гегеля, где Гегель, говоря о преломлении одного хлеба и питье из одной чаши, подчеркивает: „Это — мистический акт“⁴. Он как будто имеет в виду нашего рецензента — „мистического смысла происходящего он не постигает. Так и с объективной точки зрения хлеб есть только хлеб, вино — только вино. Но в обоих заключено и нечто большее“⁵. Этот эмоциональный акт, акт единения, мистичен, и его смысл не выражен ни словом, ни тем более конвенциональным знаком. И кто осуществляет изъятие части фразы Гегеля из его рассуждения?»

Опять-таки в связи с чем это написано? Я указывал в своей рецензии, что авторы «Реабилитации вещи» варварски исказили мысль Гегеля в этой своей фразе: «Но само слово (не знак), которое вместе и делает, и говорит, что и есть вещь, есть „акт единения и прочувствованное единение как таковое, а не конвенциональный знак“». Почему исказили? Сравните с гегелевским оригиналом: «*Совместная еда и питье* есть акт единения и прочувствованное единение как таковое, а не конвенциональный знак». Есть ведь разница между «словом, которое вместе и делает, и говорит» и «совместной едой и питьем»?

Да, разница есть, и она очевидна. Что же возражают на это авторы? Они возражают, что «этот эмоциональный акт [совместная еда и питье], акт единения, мистичен, и его смысл не выражен

4. Гегель Г. В. Ф. *Философия религии*. Т. 1. С. 145.

5. Там же.

ни словом, ни тем более конвенциональным знаком», — и при этом как бы забывают свою собственную фразу, где сказано, что этот акт совместной еды и питья, «акт единения и прочувствованного единения как такового» является «*словом*, которое вместе и делает, и говорит». Ну и, спрашивается, при чем здесь моя критика совершенно конкретного искажения совершенно конкретной идеи Гегеля, которое было произведено авторами, чтобы протащить свою магико-мистическую теорию про «говоряще-делющее слово»? Против кого вообще обращена аргументация авторов? Против самих себя? «Какой там Киев! Почему?»

Полагаю, что этих примеров достаточно, чтобы показать, *на каком уровне* аргументируют авторы. Однако необходимо отметить тот факт, что основная их задача — не столько ответить на мою критику, сколько заявить о том, что я в принципе не понял основных идей «Реабилитации вещи». И вот они объясняют, о чем, собственно, повествует книга.

Реабилитация вещи состоит не в возвращении к языку и онтологии реизма, а к более широкому и универсальному пониманию вещи, которое находит свое выражение и в экономических теориях предельной полезности, и в осмыслении их потребительской и символической ценности, и в осознании особого статуса существования идеальных объектов, созданных мышлением и воображением человека. Что такое артефакты, созданные в современном искусстве? Разве не вещи? Но они представляют собой сгусток человеческой энергии, воли, воображения, мысли! И от этого мира артефактов нельзя абстрагироваться, он задает совершенно иную систему отсчета для размышлений о статусе вещи в современной философии.

Помилуйте, как можно говорить, что книга «Реабилитация вещи» повествует об «экономической теории предельной полезности», если на 800 страницах выражение «предельная полезность» встречается всего три раза, причем его смысл не раскрывается? Как можно говорить о том, что в книге пишут про «потребительскую и символическую ценность», если словосочетание «потребительская ценность» встречается два раза, а словосочетание «символическая ценность» вообще ни разу? «Идеальные объекты» встречаются в книге 8 раз, что, конечно, не в пример чаще, но тем не менее в среднем всего лишь 1 раз на 100 страниц. А «артефакты», от которых никак нельзя абстрагироваться современной философии, упоминаются в книге... тоже 8 раз (один раз — в заголовке).

Более того, ничто из названного, кроме «артефактов», не попало в предметный указатель книги, что наглядно демонстрирует, насколько несущественными авторы считали все эти «идеальные объекты» и «экономические теории», когда его составляли.

Да что уж там. Вот пишут авторы: рецензенту,

... очевидно, неизвестно изложение нашей позиции в книге «Пути к универсалиям», где мы совершенно явно представили ее как позицию концептуализма (книга «Реабилитация вещи» представляет собой продолжение «Путей к универсалиям», о чем прямо заявлено в первых ее строках). Концептуализм для нас — это не просто альтернатива реализму и не какой-то умеренный номинализм. Он обладает собственным содержанием и выступает в качестве основания языка исчисления предикатов второго порядка.

После такой мощной заявки разумно ожидать, что хотя бы в одной из названных книг обнаружится если не разъяснение того, как концептуализм должен выступать основанием языка исчисления предикатов (которое мне при всем при том очень хотелось бы увидеть), то хотя бы просто словосочетание «язык исчисления предикатов второго порядка». Но его нет. Как я (или любой другой читатель) должен догадаться, что книга «Пути к универсалиям» посвящена «языку исчисления предикатов второго порядка», если там даже нет этих слов?! «Какой там Киев! Почему?»

Я уже писал об этом в рецензии, но придется повторить еще раз. Основная проблема «Реабилитации вещи» заключается в том, что авторы собираются сформулировать «основание языка исчисления предикатов второго порядка» путем пересказа того, что думали «про вещь» философы от Сократа до Нанси. Это все равно, как если бы физик решил создать установку холодного ядерного синтеза посредством пересказа того, в каких контекстах употреблялся термин «атом» от Демокрита до Резерфорда.

Авторы «Реабилитации вещи», впрочем, не видят здесь никакой проблемы. Они действительно верят, что, пересказывая «Менон» Платона или «Правила» Декарта, создают «язык исчисления предикатов второго порядка» или «экономические теории предельной полезности». Эта вера — плод мифологического сознания, основанного, как писал Е. М. Мелетинский, на «неотчетливом разделении субъекта и объекта, предмета и знака, вещи и слова, существа и его имени, вещи и ее атрибутов, единичного и множественного, пространственных и временных отношений, происхождения и сущности».

Некритические опыты по скрещиванию ужа с ежом и трепетной ланью, сочетающиеся с принципиальным отказом от общепризнанных научных процедур (включая правила цитирования), и перманентное обращение к «аргументу Паниковского» — эта адская смесь делает стиль авторов неповторимым. Впрочем, к науке это пиршество духа никакого отношения не имеет.